

АНДРЕЙ СКРИПЦОВ

СЧАСТЬЕ

РАССКАЗ

1

— А Вальк-то что? — спросил я Юрку.
— Померла Валька в марте, — ответил тот, нахмурившись.
— Чего ж сестрёнку не сберёг, олух?!
— Да я что! — заторопился оправдываться Юрка. — Я и в город ходил мешки таскать за кусок хлеба, и сам пахал, и сеял сам, и крупу воровал даже на станции! Вальке мамка всё давала, что было, а всё одно... Прихожу раз со станции, а она мёртвая лежит уже.

Помолчали.

Был хороший майский день. Мягко светило солнце, осторожно лаская соскучившуюся по теплу землю. Уже и деревья выпустили листья, и в гуще леса завели свою возню птицы, оглашая округу пением. И будто не было никогда холодного ветра, снега, зимнего голода. Будто две огромные воронки, оставшиеся на дороге от давнишней бомбёжки, — и не воронки вовсе, а ходы, прорытые неведь зачем какими-то гигантскими кротами. Что бы ни происходило у людей, а природа живёт по своим законам.

СКРИПЦОВ Андрей Викторович родился в 1976 году в Симферополе. Окончил Крымский институт бизнеса по специальности международная экономика и Таврический национальный университет по специальности философия. Председатель исполкома общественной организации "СПД "Русский Крым". Член Совета по молодежной политике при Председателе Верховного Совета Автономной Республики Крым. В 2008 издана книга "Эпоха Возрождения души". В 2014 окончил дистанционные Курсы литературного мастерства А. В. Воронцова. Живет в Симферополе. В начале 2014 года организовал и возглавил один из отрядов самообороны Крыма.

Я не видел Юрку с зимы. Жил он в соседней деревне, а работы у нас, ребят, в отсутствие отцов, по весне невпроворот, вот и не видались до сего дня. Мы сидели на небольшом холме и смотрели, как солнце объезжает свои небесные владения; наверху — ни облачка. Юрка загрузил, будто чувствовал себя виноватым в смерти сестры. Вертя в руках прохудившийся башмак, он зло затыкал брешь в нём тряпочкой. Башмаки надо беречь — где их взять, ежели к холодам испортятся совсем? — поэтому обыкновенно мы ходили босиком уже по весне, но сегодня Юрке что-то захотелось пофорсить.

— Понимаешь, Валька всё молока просила у мамки, а где ж нам его взять, когда корова ещё в тот год зимой от голода издохла? — Юрка закончил с башмаком и вдруг снова поник. — Не было у нас молока.

Я видел, как на Юркины глаза наполнили слёзы, но старался не смотреть в его сторону. Реветь у нас считалось девчачьей слабостью, и, зная, что мой приятель с трудом сдерживает себя, я не хотел подавать виду, что заметил это.

— Да и у нас в деревне в половине дворов за три зимы дети малые померли. Что ж тут поделаешь, коли все на фронт ушли немца добивать и работать некому, а всё, что ни делаем мы, то на фронт, в подмогу отправляем? — сказал я, стараясь не смотреть в Юркину сторону. — А Вальку, конечно, жалко.

Вспомнились мне её большие карие глаза и румянец на весёлом личике. Почему-то я вспомнил её не худую и несчастную, устало бредущую с тяжёлым бидоном воды от колодца к дому, — нет; вспомнилась мне Валька ещё до войны, когда Юрка привёл её, трёхлетнюю девчонку, на уроки в школу и спрятал под парту, чтобы учительница не видела. Так и сидела там Валька затаившись, подмигивала мне озорно, а весь класс аж ёрзал на стульях: заметит Анна Ивановна эту “ученицу” или не заметит?

И снова до слёз стало жаль Вальку от этих воспоминаний.

Неожиданно Юрка вскочил на ноги и закричал:

— А что ж они меня немца добивать не берут?! Три раза в военкомат ходил, говорят, мал ещё! — Он тяжело дышал, будто ему не хватало воздуха, — его душили чувства. — Двенадцать годов уже будет скоро! А они: мал, мал! Как похоронку отцовскую получать, так не мал? Как по шестнадцать часов в сутки на станции работать, так не мал? Как в мёрзлой земле своей сестре могилу рыть, так не мал? А фрицев бить вдруг мал! Как же так?

Юрка не выдержал и заплакал. Без рыданий, изредка всхлипывая и резкими движениями вытирая слёзы, непослушно бегущие по щекам.

— Да что ты, Юра! Ты думаешь, я на фронт не хочу?! Да мне военкомат сказал, что ежели сбегу сам на фронт, то поймает меня и в тюрьму посадит! — Я тоже перешёл на крик. — Но прав он, пойми. Если мы с тобой да другие ребята на фронт пойдём, то кто ж здесь деревню кормить-то будет? Все наши тогда вымрут. Мамка твоя с голоду помрёт, как Валька, ты о ней подумал?!

— А один чёрт помрём, пока немца не добьём! Все подмётки сапожные съели уже, берёзовую кору варим да жрём. Вы тоже её грызёте?

— Грызём. Пока урожая нету ещё никакого.

— Вот и всё пропитание. А немца добьём, так быстрее всё восстановим сообща, — веско заключил Юрка. — А я всё равно сбегу на фронт! Вот только мамке хлеба соберу, чтоб продержалась до моего прихода, и сбегу.

— А если не вернёшься? А если убьёт тебя немец? — спросил я.

— У-у-у, фашисты проклятые! — прорычал Юрка и стих.

Мы сидели и молчали, глотая слёзы. Сейчас весна, сейчас тепло, скоро лето, скоро будет урожай, если заморозок не погубит; созреет рожь, картофель, брюква, и будет “сытая жись” до самой глубокой осени. До зимы точно дотянем, а там... Кто знает, как всё обернётся? Будем ли мы следующей весной сидеть на этом холме с Юркой или не сбережём себя и поляжем в сырую, холодную землю студёной зимой? А может, и не поляжем... Рыть-то её будет некому — старики почти все повымерли, а у баб откуда силы будут в голодную зиму? Так под снегом до весны можем и пролежать, если совсем худо в деревне будет. Эх! А может, и дотянем до весны. Нет! Обязательно

было просто невозможно спокойно стоять на месте, прилив радости требовал выхода в движении. Земли под собой мы не чуяли, мы летели! И словно на крыльях, может, лишь на минуту отстав от Федыки, мы, задыхаясь от восторга, влетели в деревню.

— По-бе-е-е-да-а-а-а!!!

А в деревне все уже высypали на улицу и сбегались к месту, где, сойдя с велосипеда, оглушал своим криком Федыка:

— По-бе-е-е-да-а-а-а!

Его хватали за руки, прижимали к груди, спрашивали, но он, вымолвив не более, чем нам, снова срывался в крик. И этого было достаточно. Словно большое, огромное море радости разлилось по деревне. Люди пили его, жадно хватая ртом это волшебное слово, разносящееся по дворам, подхватывали его; и вот уже во всех домах возникло движение и всё тот же всеодолевающий, будто способный мёртвых поднять из могил, крик:

— По-бе-е-е-да-а-а-а!

Наверное, стоило закатить пир на весь мир по такому случаю, но у нас ничего не было. Ничего, кроме безумного количества энергии, которая была ключом из каждого. Люди плясали, некоторые ложились на дорогу и трясли ногами и руками; другие, не выдержав прилива энергии, как и мы с Юркой, начинали носиться по деревне, как безумные, выкрикивая всё то же слово, которое, нам казалось, мы никогда не устанем повторять. Выбившиеся из сил бабы садились на траву и, закрыв лицо руками, плакали навзрыд от радости.

Мы долго металась по полю, бескрайнему, как наш восторг, пока не упали, задыхаясь от переполнявших чувств и долгой беготни. Лёжа на земле, мы вглядывались в бездонное небо, словно растворяясь в нём. Вот теперь-то мы заживём по-настоящему! Мы представляли себе, как на наши поля вернуться работники, а мы снова пойдём в школу; как не будет больше холода и голода, потому что всего у нас теперь будет вдоволь, потому что главное, что мешало нашему счастью, — война — кончилось. Мы представляли себе, как наши отцы, пусть немного постаревшие и седые, вернуться в свои дома, как им будут рады матери. Мы вспоминали забытый звук возни в коровнике и плакали от мысли, что недалёк тот день, когда вкус парного молока станет обыденностью. Но главное было не это. Главное — мы победили! И враг, которого мы ненавидели, который вырвал у нас самое дорогое — жизни наших близких, — который топтал нашу Родину грязью своих сапог, этот страшный враг повержен. А где-то далеко на западе наши солдаты взяли — наконец-то взяли! — штурмом Берлин. И значит, с войной покончено. А остальное всё мы сделаем сами, а остальное всё — пустяки. И перевернуть мир, поставить его с головы на ноги — это не фантазия, а наша задача, то есть то, что мы сделаем в самое ближайшее время.

И мы лежали на мягкой земле, упоённые теплотой майского солнца, мы пили это солнце стаканами неба, мы растворялись в небесной синеве, безбрежной, как наша молодая, ещё только начинающаяся прекрасная жизнь. И ничего иного не было в наших душах, кроме одного на всех, огромного, не оставляющего места ни для чего иного, тёплого и такого позабытого ощущения — счастья!